

(по архиву Приказа книгопечатного дела) // Румянцевские чтения – 2015: Материалы междунар. науч. конф. (14–15 апр. 2015). Ч. 2. М., 2015. С. 43–48; 9) Книжные покупки г. Ярославля на Московском печатном дворе в первой половине 1660-х годов (по архиву Приказа книгопечатного дела) // 450 лет Апостолу Ивана Федорова: история раннего книгопечатания в России (памятники, источники, традиции изучения. М., 2016. С. 359–367; 10) Централизованное распределение изданий Московского печатного двора с помощью трубников Приказа Большого дворца в 1640/41 г. // Румянцевские чтения – 2016: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Рос. гос. б-ки (12–13 апр. 2016). Ч. 2. М., 2016. С. 59–64.

²См.: *Поздеева И. В., Пушков В. П., Дадыкин А. В.* 1) Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры, 1618–1652 гг.: От восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона: Исследования и публикации. М., 2001; 2) Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры, 1652–1700 годы: Исследования и публикации. Кн. 1. М., 2007; Кн. 2. М., 2011. — Ссылки на эти книги в статье и в следующем примечании даются в круглых скобках по году издания.

³Перечень соответствующих архивных дел см.: 2001. С. 441–443; 2007. С. 361–363, 593–599.

⁴*Поздеева И. В.* Записи на старопечатных книгах кириллического шрифта как исторический источник // Федоровские чтения, 1976. М., 1978. С. 39–54.

⁵См.: *Пушков В. П.* Московский книготорговый феномен 1620 года // Кадашевские чтения. Вып. 14. М., 2014. С. 64–73.

⁶*Пушков В. П.* Централизованное распределение изданий Московского печатного двора... С. 59–64.

⁷Мастеровой, разбиравший типографский набор после его тиражирования.

⁸РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 35 (Приходо-расходная книга 1640/41 гг.). Л. 8 об.

⁹*Пушков В. П., Пушков Л. В.* 1) Опыт построения базы данных «Книжный рынок Москвы 1636/37 г.» // Федоровские чтения, 2005. М., 2005. С. 356–368. (БД построена по: РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 29); 2) Построение и возможности использования базы данных «Книжный рынок Москвы 1662–1664 гг.» // Федоровские чтения, 2007. М., 2007. С. 219–240. (БД построена по: РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 61, 65).

¹⁰См.: *Пушков В. П.* 1) Торговая деятельность Овощного ряда Китай-города в XVII веке // Кадашевские чтения. Вып. 12. М., 2012. С. 82–93; 2) Московский книготорговый феномен 1620 года // Там же. Вып. 14. М., 2014. С. 64–73.

¹¹*Поздеева И. В., Ерофеева В. И., Шитова Г. М.* Кириллические издания: XVI век — 1641 год: Находки археографических экспедиций 1971–1993 годов, поступившие в Научную библиотеку Московского университета. М., 2000. № 217, 243.

Л. А. Тимошина

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ВИДЫ УЧЕТНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ МЕСТНЫХ ТАМОЖЕННЫХ ИЗБ В XVII в.

Таможенные книги представляют собой известный и широко используемый в историко-экономических исследованиях, посвященных изучению «торговли» или «рынков» отдельных городов и регионов России XVII в., особенностям косвенного налогообложения, ценовой политики, торгово-предпринимательской деятельности отдельных людей или целых кланов

из числа русских и иностранных купцов и другим сюжетам, источник, откуда черпаются те или иные сведения, интересующие конкретных исследователей. Гораздо меньше внимания уделяется рассмотрению истории создания этих документов, выявлению этапов и особенностей работы в местных таможенных избах над привозившимися в центральные приказы итоговыми финансовыми отчетами, в результате чего сохранившиеся таможенные книги предстают во многих исследованиях не как результат многопланового труда отдельных людей, сочетающий особенности работы каждого из их составителей с общими присылаемыми из приказов требованиями, а как некие возникшие вне конкретных условий жизни XVII столетия сборники подлежащих обработке или пересказу данных. Поэтому кажется целесообразным заняться изучением особенностей подготовки учетной документации, в том числе таможенных книг, в местах ее изначального появления — в городских таможенных избах.

Первая попытка источниковедческого изучения таможенных книг принадлежит К. В. Базилевичу¹, который, решив «рассмотреть проблему внутренней критики приходных таможенных книг XVII в.», обратился к черновым книгам устюжской таможенной избы. Однако основное содержание статьи, вопреки поставленной автором задачи «уловить приемы работы таможенных агентов и технику первичной регистрации торговых сделок»², свелось к изложению способов учета и оценки товаров таможенными служащими во время явки, а не к палеографическому анализу записей в черновых книгах и их текстологическому сравнению с подаваемыми в приказ синхронными беловыми экземплярами, необходимому для выяснения указанных им же самим вопросов. Не случайно поэтому, что примерно половина работы посвящена методике оценки товаров с примерами, почерпнутыми из сибирских ценовых росписей, не имеющих непосредственного отношения к особенностям и форме записей в таможенных книгах³. Основной источниковедческий вывод К. В. Базилевича состоит в том, что процесс подготовки таможенных книг имел два этапа: составленная в ходе работы таможенников черновая книга переписывалась для подачи в приказ набело⁴.

Гораздо более глубокий анализ таможенного делопроизводства, основанный на изучении хорошо сохранившегося комплекса устюжских таможенных книг XVII в., принадлежит А. Ц. Мерзону⁵. Историк, рассмотрев общие условия работы таможенной избы в Великом Устюге и номенклатуру собиравшихся там в соответствии с уставной таможенной грамотой пошлин, обратил внимание «на порядок составления предварительных и итоговых записей, степень их полноты, достоверности и единообразия»⁶. Сначала он пришел к схожему с К. В. Базилевичем выводу о двух стадиях составления таможенных книг: «В первоначальном виде это были повседневные записи черногового характера, в которых отмечалась деятельность таможенников по досмотру и оценке товаров, взиманию пошлин. В конце года предварительные записи подвергались обработке и переписывались набело» и в такой окончательной форме итоговый финансовый документ подавался в Устюжскую четверть⁷. Однако в ходе дальнейшего анализа таможенной документации А. Ц. Мерзон постоянно упоминал о первичных записях и двух видах таможенных книг — представляемом

в приказ первом, беловом экземпляре и оставшемся «для справок» в таможенном втором экземпляре, который «является копией соответствующей беловой книги»⁸, то есть речь идет уже не о двух, а о трех этапах работы таможенников над своими материалами.

В настоящее время источниковедческие вопросы изучения таможенной документации приобрели особую актуальность в связи с полемикой А. И. Раздорского и С. Н. Кистерева о составе, содержании, методах исследования и способах представления читателям содержания таможенных книг, когда первый из историков отстаивает возможность простого воспроизведения в табличной форме имеющихся в таможенных книгах некоторых, произвольно выбранных цифровых показателей и отдельных данных без предварительного выяснения истории создания используемых им источников и анализа их текстов, кроме описания их внешнего вида, а второй настаивает на действительном изучении времени, места и обстоятельств возникновения таможенных книг, задач, стоявших перед таможенными служащими, рассмотрении системы фиксации тех или иных данных о товарах и пошлинах, профессиональной пригодности их составителей⁹.

Все выше сказанное делает необходимым дальнейшее изучение делопроизводства местных таможенных изб, которое, в основном, будет проводиться с использованием документов городов, ведавшихся в четвертных приказах, начиная с хронологически более поздних и лучше сохранившихся источников — беловых таможенных книг, привозившихся в Москву — и заканчивая более ранними, оставшимися в местах их создания.

Изучение таможенных книг Тотьмы за вторую половину 1620-х гг.¹⁰, отложившихся в фонде Устюжской четверти, заставляет обратить внимание на две особенности их оформления. Первая состоит в том, что для работы участвовавших в составлении отчетных финансовых документов тотемских писцов было характерно отсутствие единообразия в расположении начала помесечных записей, которое могло находиться как на лицевой, так и на оборотной стороне листа с одновременным стремлением подогнать запись сведений за определенный месяц к его совершенно конкретной стороне, даже если при этом им приходилось оставлять пустыми целые страницы или их большую часть. Подобный не очень экономичный и производящий внешне довольно странное впечатление из-за постоянно встречающихся в самых разных местах лакун способ должен иметь свое объяснение. И таковое находится, если допустить, что писцы стремились не просто переписать текст, а максимально точно воспроизвести, даже нарушая при этом соразмерность расположения записей в создаваемой ими рукописи, внешнюю форму антиграфа в ее наиболее существенном показателе — начале помесечных записей.

Вторая обнаруживается при палеографо-кодикологическом изучении этих книг, в составлении которых участвовали два или три человека. При простом перечислении переписанных каждым из них листов создается ошибочное впечатление хаотичности и случайности в выборе объекта работы. Однако при анализе структуры составляющих таможенных книг, как правило, восьмилитровых тетрадей выясняется, что обладатель каждого из почерков писал только

парные листы. Естественно, что такой способ совместной деятельности предполагал, с одной стороны, возможность беспрепятственно брать такие листы из иной рукописи, а с другой — точно состыковывать переписанный разными писцами текст. Следовательно, эти люди должны были тщательно и абсолютно точно воспроизводить листы своего антиграфа, который в тотемских книгах всегда имел формат в 4° и представлял собой комплекс переплетенных и не соединенных каким-либо другим образом тетрадей, откуда можно было свободно изымать листы для переписки.

Помимо этого, необходимость состыковки текста там, где на пространстве одной тетради работали два писца, с очевидностью предполагает отсутствие в их антиграфе более или менее значительных изменений текста в виде дописывания его фрагментов между строк или на полях, значительных зачеркиваний, не говоря уже об обязательной, удостоверяющей произведенную торговыми людьми оплату пошлин пометы «взято», место расположения которой довольно часто в виде отдельной строки под соответствующими записями, бесспорно, увеличивало текстовое пространство. Понятно, что наличие всех этих элементов в антиграфе существенно затруднило бы, а, скорее, сделало невозможным точное совмещение текста при переписывании его несколькими лицами.

Таким образом, необходимо предполагать существование некоей промежуточной, достаточно аккуратно оформленной и с легко поддающимся прочтению и воспроизведению разборчиво написанным текстом, рукописи, записи которой были не просто переписаны, а скопированы во вновь создаваемом документе с воспроизведением места их расположения в антиграфе.

Обращение к архивным материалам показывает, что в фонде той же Устюжской четверти действительно есть книги, которые вполне отвечают указанным выше условиям, — Вязьмы с 27 марта по 31 августа 1673 г. и за 1673/74 г. и Устюга Великого 1646/47 г.¹¹

Рукописи обеих вяземских таможенных книг голов Григория Поросяткина и Игнатия Колесникова в своей основной части написаны достаточно старательно, каждая одним, четким, крупным почерком с небольшим количеством зачеркиваний и исправлений и без помет «взято», что уже дает основание не видеть в них документы первичного учета вяземской таможенной избы. Одновременно на первой их них имеется скрепа «К сим таможенным черным книгам ларечной Ивашка Григорьев вместо головы Григорья Поросяткина по ево велению руку приложил», свидетельствующая, что именно с этой рукописи был изготовлен экземпляр для представления в приказ.

Среди основного текста книги 1673/74 г. читаются ряд исправлений, также доказывающих промежуточное положение рукописи между первичными учетными материалами и отчетом в Устюжскую четверть. Приведем два примера. В записи явки посадского человека Вязьмы К. Ечеистого первоначально указанный объем предназначенного для продажи воска «полтора пуда без дву фунтов» был исправлен на «пуд», соответственно, старая цена «семь» рублей — на «пять», а сумма взятой по стандартной норме рублевой пошлины — десять денег с рубля — превратилась из «адиннатцать алтын четыре деньги» в «восемь алтын две деньги»¹². Очевидно, что такие исправления можно было

сделать, только используя предшествующую запись, основная часть которой была скорректирована в соответствии с реальным итогом рыночных операций К. Ечеистого.

Второй пример представляет относящаяся к 16 сентября 1673 г. запись на обороте л. 53 о явке вяземскими ямщиками А. Корневым с братом 77 пудов пеньки. Запись зачеркнута черными чернилами и поверх такими же чернилами, но другим чем в основном тексте почерком написано: «огъвил, повес на Белою»¹³, вероятно, из-за поступившего буквально в последний момент уточнения.

При этом между зачеркнутым текстом и следующей записью с явкой ржевитина Я. Долгополова есть пробел в четыре строки вместо обычных двух. Точно такие же, очень похожие на интервалы в тотемских книгах, произвольно варьирующиеся по величине пробелы, а иногда и целые страницы между различного рода записями имеются и в других местах вяземской книги 1673/74 г. (л. 6 об., 11, 73 и др.). Создается впечатление, что писец этой черновой книги копировал и внешний вид своего антиграфа, которым должна была бы выступать такая же по формату книга, содержащая некие исходные записи, ведшиеся на протяжении отчетного года.

Что же касается человека, сделавшего важные уточнения в отношении братьев Корневых, то этой же рукой таким же тонким пером и теми же черными чернилами в конце каждой записи с помесячными итогами после обычных вводных слов «и всего собрано таможенного сбора» за такой-то месяц написана конкретная сумма полученных денег. Иначе говоря, общие помесячные итоги в указанных выше исходных записях не подсчитывались, видимо, потому, что эти итоговые сведения, совершенно обязательные для финансового отчетного документа, посылавшегося в центральный приказ, не являлись таковыми при фиксации обычного хода сбора пошлин, когда самым главным был правильный поденный учет и запись сборов с каждого конкретного человека, и появлялись только в черновике таможенной книги, откуда и переписывались в ее белой, экземпляр.

К схожему выводу о появлении итоговых записей только в промежуточном варианте таможенной книги пришел А. Ц. Мерзон, рассмотрев устюжские таможенные книги 1646/47 г. и выделив в качестве таковой книгу с заголовком «список с устюжских таможенных книг»¹⁴. Добавим, что в указанной рукописи перед ее различными составными частями также имеются заголовки — «список с иногородные книги», «список с таможенные книги гостиной сотни» и т. д., при одновременных пометах в еще одной, сохранившейся в этом комплексе устюжской таможенной книге в отношении таких же частей — «иногородной книги восемь тетрадей спущено», «списано и справлено» и т. д.¹⁵. Сама же рукопись Устюг № 82, откуда были «списаны» различные части общей таможенной книги по сбору того или иного вида пошлин, имеет несколько неряшливый вид со сделанными поспешно и небрежно разными почерками записями, с частым использованием сокращений, с многочисленными зачеркиваниями и дополнениями на полях. Понятно, что сразу переписать на бело такой текст, несмотря на всю квалификацию таможенных подьячих, было

затруднительно, отсюда и возникла необходимость подготовки промежуточной рукописи с гораздо более аккуратно выполненными записями.

Как представляется, такой способ последовательной подготовки рукописей можно распространить, помимо устюжской, и на другие таможенные избы, когда в течение срока службы одного головы с выбранными ему в помощь целовальниками там составлялись три книги: 1) исходных таможенных записей; 2) формировавшаяся на ее основе и остававшаяся впоследствии в городской таможене промежуточная рукопись, служившая таможенникам черновиком-антиграфом при изготовлении экземпляра для отправки в Москву; 3) окончательный финансовый отчетный документ, подававшийся в центральный приказ, в котором копировалось местоположение записей в черновике-антиграфе¹⁶.

Чрезвычайно важно, что обширные описательные статьи книги первого вида с записями явок каждого участника торговых операций или фиксации проезжавших транзитом купцов с полным указанием названия, количества, объема или веса каждого товара, видами всех взимаемых пошлин и особенностями их уплаты и т. д. при переписывании в книгу второго вида подвергались редактированию — упорядочению, группировке и сокращению, в результате чего исчезали интересные подробности, которые, естественно, не могли возникнуть и в беловом варианте. А. Ц. Мерзон писал о сокращении во вторичном тексте сведений о продавцах и количестве купленного у каждого из них однородного товара и, соответственно, сохранении во вновь появившейся записи только суммарных данных о весе или объеме и стоимости. Кроме того, по наблюдениям историка, исключались пометы «вспомогательного» характера — имена производивших оценку целовальников, указания на представленные или полученные выписи, имена и фамилии поручителей, пометы «взято»¹⁷.

Добавим, что в тотемских беловых книгах при коллективных явках нескольких лиц по именам назывались только несколько людей, если не вообще один человек, а все остальные включались в определение «с товарищи». Вряд ли можно предположить изначальную анонимность этих лиц, так как для каждого из них, в отличие от таможенных служащих в Тотье или приказных людей в Москве, которых интересовало исключительно соответствие величины полученных пошлин числу плательщиков, принципиально важной была фиксация уплаты таможенных сборов каждым конкретным человеком¹⁸. Более чем вероятно, что в беловом экземпляре в единую статью сводились относящиеся к одному числу, но к разным прибывшим в этот день, возможно, из различных мест людям, платившим по норме оклада одну и ту же проезжую, прохожую или проплавную пошлину. В результате, на основании сводной записи, начинающейся словами «того ж дни пришли ...» с дальнейшим перечислением нескольких имен может сложиться ошибочное впечатление существования неких объединений торговых людей из разных городов или сельских поселений, которые вместе отправлялись в свои поездки, тогда как в действительности они вообще могли не быть знакомы друг с другом. Не стоит, по-видимому, сомневаться и в том, что обобщенное «явил товару» в отчетном документе в тех случаях, когда величина сборов была одинакова для всего «явленного»,

заменило собой подробную роспись таких «товаров» в таможенной книге первого вида.

Таким образом, именно книги первого вида, которые велись в местных избах¹⁹, представляют собой основные документы, отражающие во всех возможных подробностях повседневную работу таможенников различного уровня и, собственно говоря, являются оригиналами «таможенных» книг в буквальном понимании этого определения, в отличие от составлявшихся позднее на их основе и содержащих сводные отчетные данные книг второго и третьего видов, которые допустимо считать, используя терминологию исследователей русской книжности, редакциями. Поэтому, несмотря на внешне неопрятный вид записей в книгах первого вида применять к таким рукописям термин «черновик», а к описательным статьям — «черновые» принципиально неверно, если не предполагать главной и единственной целью работы таможенников отчет перед центральным приказом.

Вместе с тем, обращает на себя внимание хорошая, в целом, внешняя сохранность рукописей таможенных книг первого вида, характерная не только для устюжской 1646/47 г., но и для московских книг 1693/94 г., при условии, что сама практически ежедневная работа, как правило, нескольких таможенников не за столом в избе, а на городском торгу или у причала неизбежно подвергала бы такие, передававшиеся, к тому же, из рук в руки, книги воздействию вредоносных для бумаги природных факторов — дождя, снега, яркого солнечного света. В результате, рукописи должны были бы иметь обтрепанные по краям, поврежденные влагой, пожелтевшие листы, чего в действительности не наблюдается. Следовательно, в находившуюся, судя по всему, постоянно в таможенной избе книгу первого вида вносились сведения из уже составленных и написанных на каком-то ином носителе записей, которые с полным правом можно считать первичными²⁰, пополнявшимися уже в их книжном варианте указаниями фамилий поручителей, их подписями, а также пометами «взято».

Определить форму таких первичных носителей помогают вложенные в устюжскую книгу первого вида 1646/47 г. столбцовые листки бумаги с росписями «осталого» или «заморознова» товара и другими вспомогательными сведениями. При этом сверху и внизу таких листков отчетливо видны нижние или верхние фрагменты букв, почему можно уверенно предположить, что в ходе непосредственного осмотра предъявляемых целовальникам товаров, они вели записи в столбцовой, а не в книжной форме, так как использовать более узкие листки столбцового формата с возможностью их быстрой замены было гораздо удобнее, чем требовавшие больше ровного, свободного пространства тетради, даже если они имели, как тотемские и вяземские, размер в 4°, а не занимали, подобно устюжским, пространство в пол-листа.

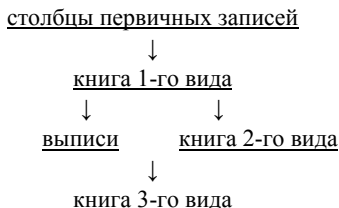
К сожалению, кроме указанных фрагментов нам в настоящее время неизвестны такие столбцы первичных записей и нет особой надежды на счастливые находки в дальнейшем, так как, скорее всего, по мере перенесения содержащихся в них данных в книгу, они не сохранялись. Поэтому важной в будущем задачей становится реконструкция состава и содержания этих

столбцов на основании палеографического и текстологического анализа имеющихся в таможенных книгах первого вида записей. Однако уже сейчас понятно, что столбцы до переписывания в книгу не имели юридической силы, представляя собой подборку рабочих материалов каждого конкретного целовальника. Именно поэтому все, поступавшие в отчетных документах в центральный приказ сведения о различных нарушениях установленного таможенного порядка, умышленной утайке товаров, злонамеренной неуплате пошлин, сообщались на основании записей и с постоянной ссылкой на уже имевшую официальный характер таможенную книгу первого вида.

Кроме того, по зафиксированным в этих книгах сведениям торговым людям в таможенных избах выдавались важнейшие для их беспрепятственной деятельности в других городах документы — платежные и явочные выписи или выписи на покупку, пометами о предоставлении которых, в самой краткой форме — по начальным буквам, испещрены поля листов устюжских и московских книг: «дв» — «дана выпись», «дпв» — «дана платежная выпись», «дзв» — «дана заявочная выпись» и т. д. Тем самым, эти выписи составляли еще одну, чрезвычайно существенную часть делопроизводства причем сразу двух таможенных изб — как исходящие, полученные торговыми людьми на руки документы таможенной избы одного города, например, Устюга, и как входящие, представленные приехавшими туда купцами, документы таможенной избы другого города, например, Вологды или Холмогор.

Таким образом, в делопроизводстве местных таможенных изб можно считать несколько видов тесно связанных между собой учетных документов: составлявшиеся местными таможенными служителями в ходе осмотра предъявляемых им товаров столбцы с первичными записями и некоторыми включенными документами; наиболее полные по объему содержащихся в них сведений таможенные книги первого вида с переписанными туда с учетом всех возможных параметров изначальными записями и последующими дополнениями и исправлениями; списанные с этих книг таможенные книги второго вида, черновики-антиграфы, с отредактированными и существенно сокращенными с целью подготовки отчетов для центральных приказов записями, оставшиеся в местных избах; таможенные книги третьего вида — беловики годовых финансово-отчетных документов, представлявшие в московские приказы.

Схема 1. Учетные документы местных таможен



Следовательно, составление учетных документов на местах проходило через четыре, а не два или три этапа, каждый из которых имел свои особенности, связанные со стоящими перед таможенными служащими в различные моменты их работы целями — начальная регистрация привозимых в город товаров или прибывавших транспортных средств, уточнение этих сведений по итогам конкретных торговых операций, редактирование записей для вычленения финансовых показателей, изготовление годового отчетного документа для центрального приказа.

К сожалению, большая часть учетной документации местных таможен до настоящего времени не сохранилась. Исключением являются наименее информативные послылавшиеся в Москву беловики таможенных книг, которые отложились в фондах центральных приказов. За неимением других источников или из-за трафаретности подхода исследователи, занимающиеся изучением развития торговли в Русском государстве XVII в., вынуждены постоянно обращаться именно к ним. Тем насущнее задача при использовании таких отчетно-финансовых документов всестороннего изучения истории создания и последующего бытования каждой из таких книг с целью оценки репрезентативности представленных сведений по сравнению с первоначальными, пусть и утраченными, учетными документами. И только отдавая себе полный отчет в ограниченности доступных данных и предварительно представив читателям результаты проведенного палеографо-текстологического анализа, допустимо в дальнейшем использовать имеющиеся в них цифровые и иные показатели в тех или иных исследовательских построениях.

Примечания

¹ *Базилевич К. В.* К вопросу об изучении таможенных книг XVII в. (проблема внутренней критики источника) // Проблемы источниковедения. Сб. 2. М.; Л., 1936. С. 71–91.

² Там же. С. 78.

³ Там же. С. 83–91. Показательно, что статья, посвященная «внутренней критике» таможенных книг вышла через три года после работы этого же автора с описанием их содержания (*Базилевич К. В.* Таможенные книги как источник экономической истории России // Проблемы источниковедения. Сб. 1. М.; Л., 1933. С. 110–129), а не наоборот, что уже само по себе характеризует исследовательские приоритеты историка.

⁴ *Базилевич К. В.* К вопросу об изучении таможенных книг XVII в. С. 76–78.

⁵ *Мерзон А. Ц.* Устюжские таможенные книги XVII в. // Проблемы источниковедения. Сб. 6. М., 1958. С. 67–129. В более сжатом виде: *Мерзон А. Ц.* Таможенные книги XVII века: Учебное пособие по источниковедению истории СССР. М., 1957.

⁶ *Мерзон А. Ц.* Устюжские таможенные книги XVII в. С. 73.

⁷ Там же. С. 88.

⁸ Там же. С. 90.

⁹ *Раздорский А. И.* 1) Торговля Курска в XVII веке (по материалам таможенных и оброчных книг города). СПб., 2001; 2) О составлении и публикации регестов таможенных книг XVII–XVIII вв. // Отечественные архивы. 2007. № 1. С. 31–40; 3) Торговля Вязьмы в XVII веке (по материалам таможенных и кабацких книг города). СПб.; М., 2010; *Кистерев С. Н.* 1) Суждения С. Б. Веселовского о таможенных книгах как документе и историческом источнике // Вестник «Альянс-Архео»: [Электрон. изд.]. Вып. 2.

М.; СПб., 2013. С. 10–16. URL: http://www.aarheo.ru/components/com_jshopping/files/demo_products/_..._21.pdf (20.02.2017); 2) К оценке профессиональной подготовленности таможенных служащих XVII века // Там же. Вып. 6. М.; СПб., 2014. С. 3–7. URL: http://www.aarheo.ru/components/com_jshopping/files/demo_products/Vestnik_A-A-6.pdf (20.02.2017); 3) Археография между Сциллой и Харибдой // Там же. Вып. 7. М.; СПб., 2014. С. 42–54. URL: http://www.aarheo.ru/components/com_jshopping/files/demo_products/Vestnik_A-A-7.pdf (20.02.2017).

¹⁰ Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. Вып. 3. СПб., 2015; Вып. 4. СПб., 2016.; Вып. 5. СПб., 2017. В печати; Вып. 6. СПб., 2017. В печати.

¹¹ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вязьма. № 31, 33; Устюг, № 80-а.

¹² Там же. Вязьма. № 33. Л. 4.

¹³ Там же. Л. 53 об.

¹⁴ Мерзон А. Ц. Устюжские таможенные книги XVII в. С. 90–91; РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Устюг. № 80-а.

¹⁵ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Устюг. № 82. Л. 108, нунум. л. между л. 111 и 112, 158, 176.

¹⁶ А. Ц. Мерзон предполагал иную последовательность создания этих рукописей: с направлявшегося в Москву беловика делалась копия для местной таможенной избы (Мерзон А. Ц. Устюжские таможенные книги XVII в. С. 90). Такое мнение вряд ли справедливо из-за указанных выше трудностей при изготовлении белого экземпляра непосредственно с таможенной книги первого вида.

¹⁷ Мерзон А. Ц. Устюжские таможенные книги XVII в. С. 89.

¹⁸ Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. Вып. 4. С. 30–31.

¹⁹ В полном виде или во фрагментах известны несколько таких книг: устюжские 1646/47 и 1672/73 гг., Московской большой таможи 1693/94 г., несколько тихвинских и холмогорской таможенной избы 1658 г. (Базилевич К. В. К вопросу об изучении таможенных книг XVII в. С. 78; Сакович С. И. Из истории торговли и промышленности России конца XVII века. М., 1956; Книги Московской большой таможи — 1693–1694 гг.: Новгородская, Астраханская, Малороссийская. М., 1961; Тимошина Л. А. Холмогорская таможенная книга 1658 г. // ОФР. Вып. 4. М., 2000. С. 186–236).

²⁰ Ср.: Базилевич К. В. К вопросу об изучении таможенных книг XVII в. С. 78.

И. Р. Соколовский

ОБРАБОТКА МАШИНОЧИТАЕМЫХ КОПИЙ ТАМОЖЕННЫХ КНИГ XVII в. КАК БАЗ СЛАБОСТРУКТУРИРОВАННЫХ ДАННЫХ С ПОМОЩЬЮ СКРИПТОВ НА ЯЗЫКЕ PУТНОН ВЕРСИИ 3.X: НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Мы хотели бы определить понятие «машиночитаемой копии документа» следующим образом. Машиночитаемой копией документа является такая электронная копия документа XVII в., в которой каждому знаку, присутствующему в документе, сопоставлен соответствующий знак электронной копии, который представлен кодом какого-либо элемента из соответствующей кодовой таблицы. Наше определение машиночитаемости имеет «узкий» харак-